

ЯКОВ
МИРКИН

ИСКУШЕНИЕ
ГОСУДАРСТВОМ

Человек
и вертикаль власти
300 лет
в России и мире

Правила неосторожного обращения
с государством

Экономические миры

Яков Миркин

**Искушение государством.
Человек и вертикаль власти
300 лет в России и мире**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 323
ББК 66.2

Миркин Я. М.

Искушение государством. Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире / Я. М. Миркин — «Издательство АСТ», 2024 — (Экономические миры)

ISBN 978-5-17-159634-7

Эта книга является дополненным и переработанным изданием бестселлера Якова Миркина «Правила неосторожного обращения с государством». С момента появления первого издания ситуация в мире изменилась, но человек по-прежнему кажется маленькой слабой пешкой на шахматной доске великих держав. Как строить отношения с государством, не превратившись в один из винтиков системы и сохранив себя? История повторяется, и человеческие судьбы в ней — тоже. Ошибки людей, живших в переломные эпохи прошлого, могут стать уроком и предостережением для нас. Если мы усвоим этот урок, то всегда будем иметь стратегическую инициативу, просчитывать ход событий. В книге приведены документы, письма, дневники, мемуары исторических личностей. Все это подчинено одному — как не попасть под каток истории, как быть на подъеме — всегда, вместе с семьей. Эта книга — для думающих, проницательных, для тех, кто готов занять сильную позицию в своей игре с обществом и государством. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323
ББК 66.2

ISBN 978-5-17-159634-7

© Миркин Я. М., 2024

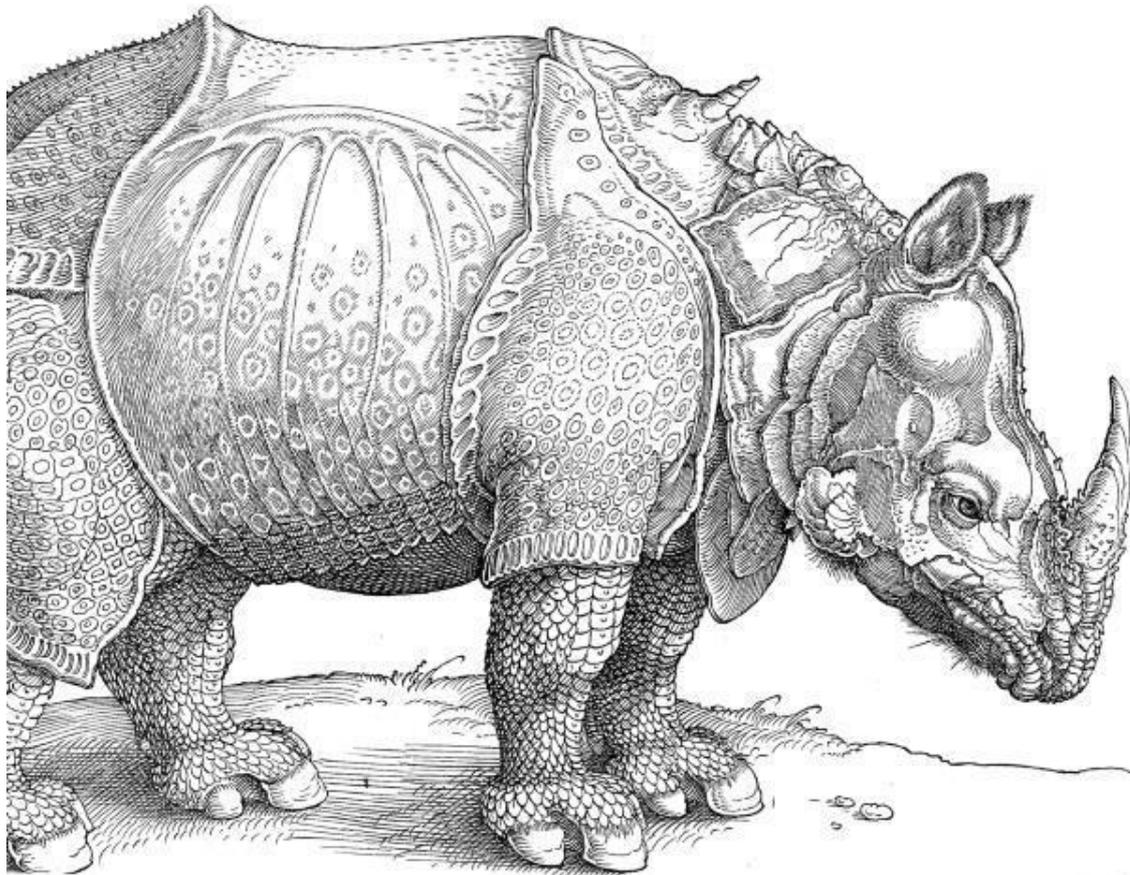
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Предисловие	7
Часть I	8
В нежных объятиях	8
Государство – это он	9
Мы и Они	10
Наша жизнь внутри политиков	11
Новый феодализм. Ничего личного	12
Цензурное мышление. Штамп[2]	13
Возведение цензуры	13
То взлет, то падение	14
Хроника преуспевающей цензуры	14
Ничто не вечно. Можно ли сейчас прожить по законам о женщинах 1890-х[31]	18
Как сделаться мишенью	20
Как натравить на себя власть. 19 правил	20
Быть чужим. Троицкий[32]	21
Подорвать. Лосев[39]	23
Проклясть. Мандельштам	25
Прозевать. Никитенко[56]	26
Напасть. Мисси Беневская[66]	28
Что думают и чего хотят наши дети?	28
Крестовый детский поход	29
Ангел с бомбами	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яков Миркин

Искушение государством. Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире

2-е дополненное и переработанное издание бестселлера «Правила неосторожного обращения с государством»

аст
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Миркин Я.М., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие

Что бы вы ни делали, будьте осмотрительнее, умнее, осторожнее. Будьте не только для других, но и для себя. Не будьте мясом, из которого кроится человеческая история. Не станьте коллективным существом. Будьте делателем истории, не выходящим из-под собственного повиновения. Ваши решения – должны быть только Вашими, какими бы они ни были.

Не станьте слугой государства, слугой кого-либо. Будьте собственным слугой, признавая ценность – общества, благо – общее, службу – общему. Да это есть, это очень важно, но важно еще, чтобы это не стало всем в жизни, или так не наступило на вашу жизнь, что она будет выворочена.

Не поведитесь на слова. Жертвы должны быть осмысленными, ваша личная игра – только на усиление, а для этого нужно знать, знать, знать.

Знать. История повторяется. Люди в ней – повторяются. Их точно так же топят – или возносит. Все это нужно знать, действуя, как человек в истории, строя собственные отношения с государством и с личностями в нем.

Каждый из нас проживает свое время – в большой истории российского государства.

В любом случае, в любой временной точке, находясь в России, внутри истории – она никогда не останавливается – вы должны чувствовать – или, как говорили когда-то, по животному чуют – что впереди.

А что именно?

Сценарии, развилки, их вероятности, и собственные действия, что бы и кто бы ни говорил.

Ваша игра, ваше удовольствие, ваши жертвы, то, чем вы поступите перед обществом – решая, зачем вам все это нужно.

Осмысленно – это главное слово.

Эта книга – для думающих. Для проницательных, для тех, кто собирается быть научно точным – можете смеяться – в собственных действиях, не поддаваясь на мифы, понимая, как все устроено, и думая аналогами. История идет по кругам, и там, позади – такие же люди, так же не понимающие – или, наоборот, хорошо понимающие, что впереди.

Не поддавайтесь полностью желаниям (когда-то их называли безотчетными). Не останавливайтесь в собственной истории – или чужой – думайте, как в шахматах, и будьте в движении, избавляясь от всего, что вам не нужно.

Пусть наградой будет – в любом возрасте – чувство свободы и приращения, не убывания самого себя.

– Все это, конечно, хорошо, – сказал мне мой стол и засмеялся. – Иди-ка, попей чайку и остынь.

И я с покорностью двинулся на кухню.

Ему сто с лишним лет, и он уцелел.

Поэтому я отношусь к нему с огромным уважением.

Часть I

В постели с государством

В нежных объятиях

Государство – это он

Россия Александра II и Александра III – это разные России. Россия Хрущева, Брежнева, Андропова... Горбачева, Ельцина и так далее – разные России.

Мы находимся внутри другого человека, как бы он ни назывался – премьер, президент, внутри его эмоций, талантов или отсутствия таковых. Он накладывает свой характер на каждый наш выбор. Его вкус, реакции, способ мышления, люди, которые ему нравятся или нет, тяжести или восторги детства, комплексы, неисполненные желания – все это опутывает нас с ног до головы.

США Буша, Клинтона, Обамы, Трампа – во многом разные страны, с очень личностными особенностями в поведении, хотя ядро, модель страны, ее желаний, реакций – одни и те же в самом главном.

Прогноз того, что будет со страной, – это очень личностный прогноз. Попытка понять, кто перед тобой, кто этот человек, оказавшийся за рулем.

Он не может выпрыгнуть из самого себя.

Все прогнозы, обращающиеся к его рациональности, к трезвому оцениванию ситуации, к образованию и качеству мышления, все прогнозы, относящиеся к объективному ходу вещей, могут быть совершенно бесполезными, потому что его «я» живет в совершенно другом измерении и доказывает всему миру и всем тем, кто конкурирует с ним, совсем другие истины, купаясь в собственных ощущениях того, что правильно, а что нет, что и кто нравится, а кто нет, перед кем нужно утверждаться, а перед кем – конечно же, нет.

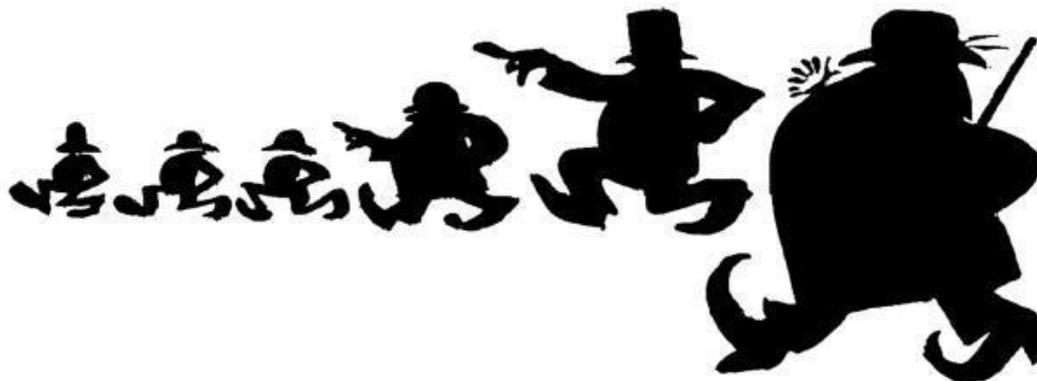
Переломить все это мы не можем.

Но это создает новое понятие времени. Оно делится на время человека Иванова, на годы, прошедшие под знаком человечка Петрова, и на то, что случилось при человечике Сидорове.

Это человеческое время задает наши собственные границы, наши риски, наш ход – кому полный вперед, кому ход конем, а кому просто пятиться и лучше уползать с поля.

Грубо говоря, семьи должны знать, «под кем» они живут и что их ожидает.

Мы и Они

Как же это Они не понимают! Неужели Они не видят, что...?

Они – это наш лексикон. Не Сидоров во власти, не Иванов, не Петров. Это Они. Власть. Сила внешняя, почти мифическая, довлеющая. Разве дружеская нам, теплым, малым? Отстраненная. Они – где-то там.

И тогда – остается только покориться. Человекомуравейники. Хорды. Асфальтобетон. Атака на карманы – сверху, откуда-то с небес, как ни умоляй. А вот и пушки.

Всё это дается свыше.

Неумолимая сила власти, хмурый, холодный глаз.

Ее отстраненность.

Хотя есть, конечно, и качели у метро.

– Они, – говорим мы.

Очень по-русски.

И изумляемся, когда теплый, милый человек, попав во власть, обретает кожуру.

– Что-то ты холодненький!

– Что-то ты всегда прав!

– Это ты?

– Миленький, ты где?

– Ау?

А потом его отстраняют от власти и он, как сбитый летчик, опять появляется на телефоне:

– Здравсьте, это я!

– Ну здравствуй, милый человек!

Ну и как нам с Ними быть?

Их только тронь – огонь!

Наша жизнь внутри политиков

Много шума было в этом семействе. Двоюродные братья и сестра то ссорились, то мирились, а их кузен бывал у них попеременно, отличаясь необыкновенным сходством с одним и примеривая мундир другого.

Двоюродные – британский король Георг V и император Вильгельм II, императрица Александра Федоровна, жена Николая II.

Двоюродные (по другой линии) – британский король Георг V и русский царь Николай II.

Троюродные – император Вильгельм II и русский царь Николай II.

Кто-то кого-то не любил. Кто-то не досидел на коленях у бабушки, королевы Виктории. У кого-то был тяжелый нрав, у кого-то нерешительный, кто-то был страстным филателистом. У одного была родовая травма, другой был слаб здоровьем, но его спасло море.

«Несносный Вильгельм и тут не дает нам покоя». Это из дневника Николая II.¹

Они ссорились, как будто делили участки, квартиры и счета.

Так они отправили в армию семьдесят миллионов человек и сделали из них десять миллионов погибших.

Драма царской семьи, начатая вступлением России в мировую войну, всем известна.

Вильгельм II был объявлен в Версале военным преступником, но избежал суда. Не был выдан королевой и государством Нидерландов.

Он умер в 1940 году в своем поместье в Нидерландах счастливым человеком. Но успел отправить приветственное письмо Гитлеру по поводу взятия Парижа. Нидерланды, спасшие его, были захвачены немцами. Роттердам разбомблен, снесен до основания. Он ушел, твердо зная, что Германия – оплот христианства, а Британия – царство сатаны, масонства и либералов.

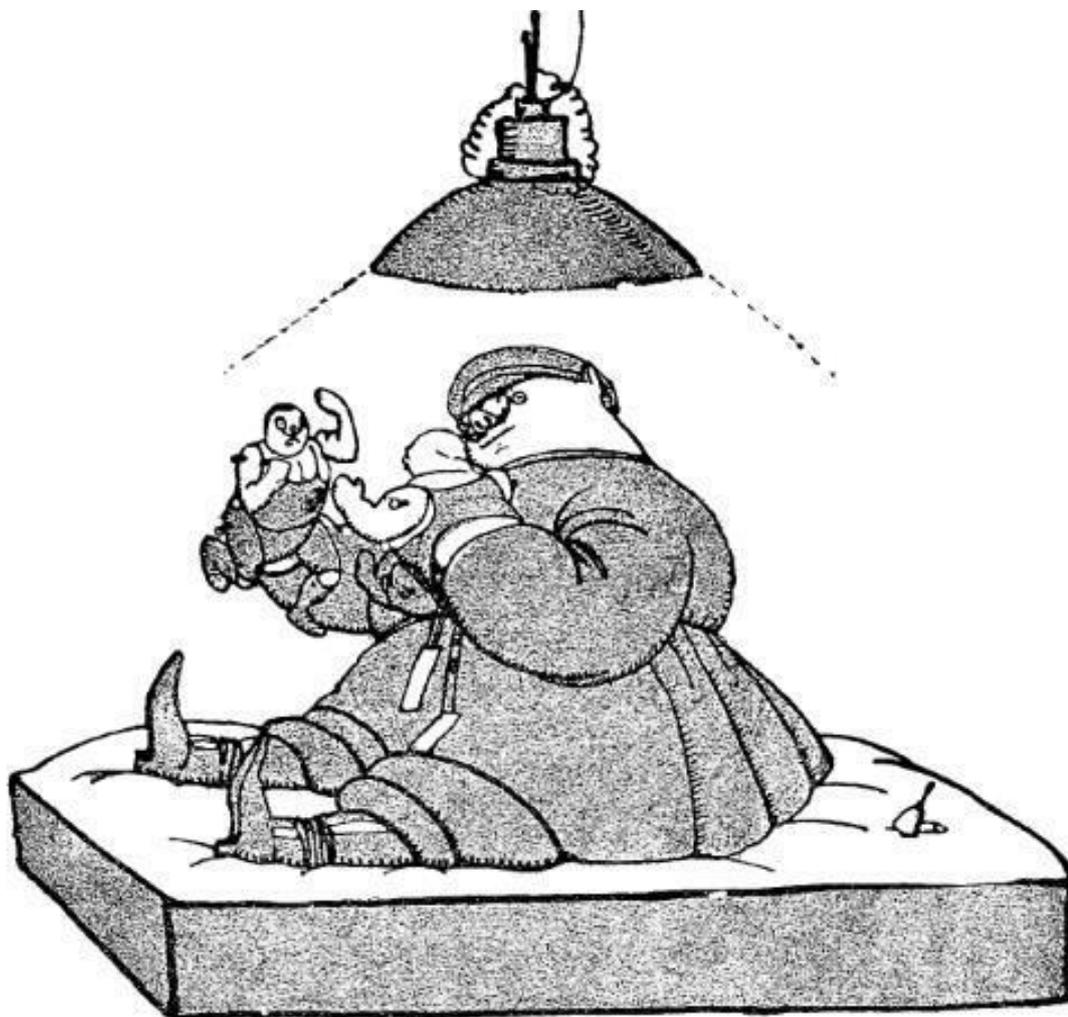
Какое нам дело до политиков, когда они гремят гвоздями?

Какое дело?

Мы живем внутри них. Им решать, что с нами случится.

¹ Запись от 5 октября 1896 года. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том I. 1894–1904. М.: Росспэн, 2011. С. 302.

Новый феодализм. Ничего личного

Где Ваше место в этой системе? И есть ли оно?

Новый феодализм. Почти по Ключевскому. Баронам («боярам»?) за службу дарованы феодалы (регионы / корпорации). Это – 50 % экономики, госсектор, госкорпорации. Вокруг них – свои, те, кто «внутри», те, кто «допущены», команды. Аналог – служилые дворяне, «опричники» и т. п. Все это еще 15–20 % экономики, облепившей госкорпорации и властные структуры всех уровней.

Плюс крупные куски, отданные в откуп. Пара сотен семей. Плюс с десятков нерезидентов (типа Ост-Индских компаний). Еще 15–20 % экономики. Соединено денежной данью, присягой на верность, структурами, не видимыми на поверхности, личной унией, семейными союзами.

Свободная экономика – 10–15 %. В основном розница. Обложена данью, как Золотой Орде. Независимый бизнес сжимается, умирает.

Приватизированное государство. Проблема – власть не передаваема по наследству. Значит, собственность подвержена переделам. Неустойчивость, взрывоопасность. Для нас для всех – неудачный проект, тупик, в который загнали трамвайный вагон.

Достучаться до власти – тихо и интеллигентно. Как?

Проблема реального, жизнеспособного, действенного либерализма, строительного либерализма в корыстных, национальных интересах, в интересах среднего класса, вместо его подмены людьми из паноптикума.

Как? Пока неизвестно.

И еще. В этой системе – где Ваше место?

И как ее изменить – честно, медленно, никем не жертвуя и никого не разрушая? Ну как?

Цензурное мышление. Штамп²

Цензура – вечна. Во все времена общество пытается защитить себя от тех, кто стремится его разрушить, или от идей, ставящих под удар его выживание. Во все времена здесь могут быть излишества. Либо слишком жесткие запреты, когда общество задыхается и отстает в развитии. Либо, наоборот, максимум в уничтожении «нельзя», когда темная энергия, анархия, нарастание беспорядка могут привести к смерти общества, к утрате его способности выживать – каждый год, каждый век.

Истина – в «золотой середине». В том, чтобы пройти по острию ножа между свободой и необходимостью, между свободой – и «нельзя», контролем, цензурой. В центре этого неизбежно оказывается государство как «рука» общества.

Всё это – азбука. Даже скучно – А, Б, В, Г, Д. А жизнь – какова? Цензура избыточна? Или, наоборот, можно видеть, как она не успевает за жизнью и как идеи, несущие разрушение, накапливают силу. И причем не обязательно «творческое разрушение». Что делать, когда госаппарат – сам по себе – вырывается из рук общества и начинает быть не тихим незаметным механизмом, а самодовлеющей силой, со своими крайними идеями, со всем размахом подавления всех, кого он считает «мимо образца»?

«Пройти по острию ножа». Чувство меры, рациональность, прогрессивность. Желание блага. Не желай ближнему своему того, что не желаешь себе сам. Понимание того, что ничто не вечно, и нормы этики никогда и нигде не бывают неизменны и тоже развиваются. Выживание, «плодитесь и размножайтесь», благосостояние, «живите как можно дольше» и, наконец, любовь к своему народу – может быть, это и есть главные принципы цензуры? Или, что то же самое, мира обращения идей?

Есть области, где учат на крайностях. Попробуем и мы разобраться в крайностях цензуры, чтобы понять, как жить с ней.

Возведение цензуры

Родословную цензуры в России ведут от Киевской Руси («список отреченных книг», апокрифы). XVIII–XX века – крепость цензуры растет. Под закат царствования Николая I, в начале 1850-х, «расплодилось свыше двадцати различных специальных цензур всевозможных ведомств».³ Цензурный устав 1804 г. – 47 статей, 1826 г. – 230 статей.⁴ В последней четверти XIX в. ежегодно рассылались десятки запретительных циркуляров (Словарь Брокгауза и Ефрона). В 1865–1880 гг. приостановлено 52 издания, в 1872–1879 гг. – 60 запрещений розничной продажи.⁵ За 80 лет (1825–1904 гг.) цензурой отдано под нож 248 названий книг. Реальных запретов (у них масса форм) было в десятки раз больше.⁶

² Впервые опубликована в журнале «Родина». 2023. № 9.

³ Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1904. С. 199.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Добровольский Л. Запрещенная книга в России. 1825–1904. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962.

Всё это, конечно, детский лепет в сравнении с тем, как цензура развернулась в XX веке. В 1938 г. в СССР контролю цензуры подверглись 8,6 тыс. газет, 1,8 тыс. журналов, 40 тыс. книг тиражом почти 700 млн экз., 74 радиостанции, 1,2 тыс. издательств, 70 тыс. библиотек.⁷ «Число только русских изданий, прошедших официальную советскую цензуру и впоследствии уничтоженных, превышает, по нашим подсчетам, 100 тыс. названий. Что же до... количества уничтоженных экземпляров, то об этом мы можем судить лишь приблизительно. Тираж конфискованных дореволюционных книг редко превышал... 1200 экземпляров: таким образом, уничтожению подверглось примерно 250–260 тыс. книг. Если учесть, что тиражи таких книг в советское время колебались от 5000 до 50 000 экз. (порой они доходили и до полумиллиона) и принять за основу средний, то мы получим устрашающую цифру, во всяком случае превышающую миллиард экземпляров. При этом нужно иметь в виду, что сюда не входят миллионы и миллионы экземпляров книг, истребленных в результате «очистки» массовых библиотек по линии Главполитпросвета».⁸

То взлет, то падение

То открытость, то, наоборот, закрутить гайки. Все это – циклы в истории России. То максимум власти наверху – то поделиться ею с обществом, децентрализация.

Пики цензуры хорошо известны. Их даже называют «цензурным террором». Это – все время Николая I, 1858, 1862, 1868, 1872 гг. – при Александре II,⁹ начало 1920-х гг., 1930-е гг. А далее, до середины 1980-х – постоянно активная, жесткая цензурная система, схватывающая любой публичный информационный объект, до – и после – его появления.

Пик цензуры – это максимум контроля, наказаний и тотальный страх «как бы чего ни вышло».

А может выйти все что угодно.

Хроника преуспевающей цензуры

При Павле I, в 90-х гг. XVIII в., на ввозе «задерживались все книги, где рассказывалось о любовных похождениях королей и принцев, нельзя было хвалить «просвещение века», мечтать о «золотом веке», говорить, что все люди – и государь, и нищий – братья. Император Павел повелел, «чтобы впредь все книги, коих время издания помечено каким-нибудь годом французской республики, были запрещаемы». «18 апреля 1800 г. совершенно был запрещен ввоз в Россию иностранных книг».¹⁰

1826 г. «Вот для образчика несколько выражений, не позволенных нашей цензурой, как оскорбительных для веры: отечественное небо; небесный взгляд, ангельская улыбка, божественный Платон, ради Бога, ей Богу, Бог одарил его; он вечно занят был охотой и т. п.»¹¹ «Кто бы подумал, что для помещения известия о граде, засухе, урагане должно быть позволение министерства внутренних дел!» «Один писатель при взгляде на гранитные колоссальные колонны Исаакиевского храма восклицает: «Это, кажется, столпы могущества России!» Цензура вымарала с замечанием, что столпы России суть министры».¹²

⁷ Горяева Т. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: Росспэн, 2009. С. 214.

⁸ Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991 / А.В. Блюм; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб.: 2003. С. 6.

⁹ Энгельгардт Н. Цит. соч. С. 209.

¹⁰ Энгельгардт Н. Цит. соч. С. 29–30.

¹¹ Булгарин Ф. Записка «О цензуре в России и о книгопечатании вообще» // Опул. в кн.: Алтунян А. Политические мнения Фаддея Булгарина. Идеино-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I. М.: Изд-во УРАО, 1998. С. 177.

¹² Там же. С. 178.

1835 г. В статье «одна святая названа «представительницей слабого пола». Цензору от министра – строгий выговор.¹³ В стихах в честь царя «автор, говоря о великих делах Николая, называет его «поборником грядущих зол».¹⁴ Собрали по рукам все книжки, до дворца дойти не успела, перепечатали страницу, «поборник» заменили на «рушитель».

1843 г. «Князь Волконский (министр двора) требует ответа для доклада государю: на каком основании осмелились пропустить... сравнение оперы со зверинцем... и кто ее сочинитель?».¹⁵ И еще приказ – о борьбе с французскими романами (он много раз повторен).¹⁶ Где же могут быть вредные идеи? Париж!

Все это, конечно, «весна» цензуры, хотя почему «весна»? Тысячи доносов – полицейских, доброжелателей (их много есть у нас), сочинителей – друг на друга. А если что вдруг не так – цензора на гауптвахту!

1852–1853 гг. «В Париже выдуман какой-то новый танец и назван мазепой». Министр решил, «что тут скрывается насмешка над Россией».¹⁷ Цензору – выговор и угроза отдать под суд. В то же время у министра спрашивают разрешения – можно ли окружить «черным бордюром» известие о смерти Жуковского. Министр разрешил.¹⁸ «Цензор Елагин не пропустил в одной географической статье места, где говорится, что в Сибири ездят на собаках. Он мотивировал свое запрещение необходимостью, чтобы это известие получило подтверждение со стороны министерства внутренних дел».¹⁹

Многое может сегодня вызвать усмешку, но это – реальные люди, реальные истории их жизней, то, на что тратилось их уникальное, судьбою данное время. И по любому пустяку – наверх. И по любому пустяку, не грозящему никакой бедой устоям, – страх. Так устроены цензуры в жестко централизованных государствах.

А за всем этим – огромные задержки в распространении знаний, искусств, технологий. За анекдотами – сотни и тысячи случаев, когда книги – хлеб думающего человека – так до него и не добрались, принуждая быть медленнее, сделать в жизни гораздо меньше. «Цензор Ахматов остановил печатание одной арифметики, потому что между цифрами какой-то задачи помещен ряд точек. Он подозревает здесь какой-то умысел составителя арифметики».²⁰

1865 г. Николай Некрасов, великий, нами прославляемый! Да? Нет, это же «фельетонная букашка». Сам себя так назвал в своих стихах.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять без боязни я мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомоюку,

¹³ Никитенко А. Дневник в 3-х томах. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. С. 166.

¹⁴ Там же. С. 166.

¹⁵ Там же. С. 272–273.

¹⁶ Там же. С. 276.

¹⁷ Там же. С. 344.

¹⁸ Там же. С. 352.

¹⁹ Там же. С. 363.

²⁰ Там же. С. 363.

С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Между тем жизнь продолжалась и в XIX веке, и в XX-м – и это была очень бурная жизнь, если говорить о цензуре. Крайности николаевских времен отступили перед либеральными переменами 1860-х – 1870-х (хотя и в них были вспышки «цензурного террора»), затем машина цензуры все больше устремила к целям «сохранения существующего строя» в Российской империи (как оказалось, бесполезно) и наконец достигла своей высшей стадии развития на переломе 1920-х и в 1930-х – 1940-х. Она превратилась в отрасль национального масштаба, со многими органами, во «всевидящее око», в фабрику «не пустить, предотвратить, выполоть и, в конце концов, если недосмотрели, – уничтожить».

Людей и их книги перечеркивали в «промышленных масштабах». У цензуры была развернутая структура. В литературе: а) редакции изданий, б) творческие союзы, в) Главлит, г) «Политконтроль» в системе госбезопасности. Кадры? В 1939 г. – «119 Главлитов, обл. и крайлитов. Общая численность – 6027 работников, в том числе по Центральному аппарату Главлита РСФСР 356 единиц». В Москве – 216 сотрудников, в Ленинграде – 171. Маловато? Была еще «целая армия надзирателей»: «многочисленные внештатные сотрудники... военные цензоры... сотрудники госбезопасности, “курировавшие” печать, работники так называемого “доэфирного контроля”... сотрудники спецхранов... и “первых отделов”... учреждений, не говоря уже о работниках идеологических партийных структур... реальное число их не поддается учету и должно быть увеличено минимум в десять раз по сравнению с цифрой, приведенной выше».²¹

Возьмем только один год. «В 1938 г. репрессиям подверглось 1606 авторов, изъято 4966 наименований книг (10 375 706 экземпляров), более 220 тыс. плакатов».²² Упомянули не того? Предисловие подписано – не тем? Выразили благодарность – не тому? Они уже перечеркнуты. Их больше считай что нет! Книга – на вылет! Массовые изъятия из библиотек делались большими набегами. Февраль 1937 г., отчет Ленинградского Политико-Просветительного института им. Крупской: «Проверены библиотеки в 84 районах, просмотрен фонд 5.100.000 экземпляров 2660 библиотек. Изъято 36647 книг».²³

Мы хорошо знаем вычеркнутые имена. Исаак Бабель, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Борис Корнилов, Николай Олейников, Борис Пильняк, Даниил Хармс – и тысячи других звезд, больших и малых. «На фоне того, что происходит кругом, – мое исключение, моя поломанная жизнь – только мелочь и закономерность. Как когда падает огромная книга – одна песчиная, увлеченная ею, – незаметна». Это Ольга Берггольц, дневник, 6 октября 1937 г.²⁴ Она исключалась, арестовывалась, запрещалась – ее книги выжили. Чудом не была перемолота машиной.

А если человек давно пересек границу – и просто там живет? Большое имя, не может не писать, пишет отчаянно прекрасно? Да, конечно, находится в ожидании перемен к лучшему в бывшей Российской империи? Ждет, когда можно будет вернуться? Надеется на это.

Что значит, если? Абсолютный запрет. Во всяком случае, запрет всего, что написано после 1917 г.

²¹ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора (1929–1953). СПб.: Академический проект, 2000. С. 14–19, 49–50.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Берггольц О. Мой дневник. 1931–1945. М.: Кучково поле, 2017. С. 446.

А что это за люди? Их много есть у нас. Иван Бунин. Гослит: «Изъять все произведения, вышедшие после 1917 года». Объяснить? «Политически инертен, но сочувствует политической платформе кадетов и принадлежит к группе наиболее враждебных нам эмигрантов».²⁵

Аркадий Аверченко, Марк Алданов, Тэффи (гриф «Художественная литература. Белогвардейская»), Евгений Замятин («роман „Мы“ – злобный памфлет на Советское государство»), Алексей Ремизов («черносотенная и мистическая поэма о России», «националистические миниатюры с реакционным направлением»), Саша Черный... список длинный, как дорога в Париж.²⁶

Чем прогневал цензоров Чехов? А не нужно писать письма с непристойностями и неприличностями! 500 купюр в письмах Чехова в собрании сочинений!²⁷ За что режем Лермонтова? За юношеские стихи! «Переиздание „Собрания сочинений» может быть разрешено при условии изъятия порнографических стихотворений и пересмотра его писем».²⁸ Чем провинился Маяковский? Инструкция 1930 г. для библиотек: «изъять всё, написанное Маяковским для детей – как непонятное, идеологически неприемлемое и возбуждающее педагогические отрицательные эмоции». «Кем быть?» – оставить, оно – правильное. «Что такое хорошо...» – изъять! Не нужно нам прославлять «благовоспитанных мальчиков» – детей нэпманов!²⁹

Чудесная книга Маршака «Сказки, песни, загадки» с иллюстрациями Лебедева. Издательство «Academia», 1935 г. Запрещена! Автор редакционной статьи в «Правде» 1 марта 1936 г. под названием «О художниках-пачкунах» возмущен «...мрачным разгулом уродливой фантазии Лебедева... Вот книга, которую перелистываешь с отвращением, как патологоанатомический атлас. Здесь собраны все виды детского уродства, какие только могут родиться в воображении компрачикоса. Словно прошел по всей книге мрачный, свирепый компрачикос... А сделав свое грязное дело, с удовольствием расписался: Рисунки художника В. Лебедева».³⁰

Усталость, боль на сердце охватывают, когда читаешь всё это. Кого мы еще потеряли? Какие рукописи так и не нашлись? Какие пьесы никогда не будут сыграны?

Эти вопросы можно задавать бесконечно, развертывая списки утраченного и понимая, что каждый день, каждый век – это поиск обществом «золотой середины» между свободой и контролем, что каждый день, каждый век оно пытается стряхнуть с себя крайности как болезнь общественного сознания. Тяжелыми были уроки двух последних веков. Из анекдотов в трагедии – самые короткие пути.

Что делать? Когда много драм – пытаться смеяться. Когда сложно – делать «хорошее лицо». А себе что сказать? А вот что:

Оправдаться есть возможность,
Да не спросят – вот беда!
Осторожность! Осторожность!
Осторожность, господа!

Спасибо г-ну Некрасову за подсказку!

²⁵ Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Цит. соч. С. 57–58.

²⁶ Там же. С. 33–34, 36, 154–155, 175, 178, 185.

²⁷ Там же. С. 187.

²⁸ Там же. С. 187.

²⁹ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора (1929–1953). СПб.: Академический проект, 2000. С. 213.

³⁰ Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. С. 127.

Ничто не вечно. Можно ли сейчас прожить по законам о женщинах 1890-х³¹

Только не при нас. Через 100 лет – все то же. Ничто не изменишь. Уже веками.

Есть огромная группа людей, которые отрицают саму возможность изменений. Вы – мечтатель. Вы – Томмазо Кампанелла. У Вас – розовые очки. И так далее.

А кто сказал, что всё – неизменно? Что можно проснуться через сто лет и увидишь, что с людьми – одно и то же? Всего лишь 125 лет тому назад женщинам не полагалось чинов, орденов и, что хуже всего, разряда по шитью на мундир (по высочайше утвержденному мнению Госсовета от 23 февраля 1898 г.). При разводе они отлучаются от церкви на семь лет. Карьера только: а) телеграфисткой, б) аптекаршей, врачихой, повивальной бабкой, зубодером, в) письмоводителем, счетоводом, г) конторщицей, контролером, д) надзирательницей, воспитателем и учителем (Устав о службе гражданской, том III, ст. 157). Или служить при телефонах (Устав почтовый, том XII, часть первая). Будучи повивальной бабкой, должны быть благонаправны, скромны и трезвы (Госсовет, 23 февраля 1898 г.).

В телеграфистки принимаются только вдовы и девицы. Число женщин-телеграфистов не может превышать 50 % в Москве и Петербурге, а за их пределами – 25 % (Устав почтовый, том XII, часть первая). Форма – пальто из драдедама черного цвета с белыми пуговицами, с желтой по бортам и обшлагам выпушкой.

Адвокатесса? На это есть специальный Указ Правительствующего Сената от 2.02.1876. «К вопросу о женской адвокатуре». Полный запрет. «Приведенное Высочайшее повеление вызвано было попыткой одной русской женщины, г-жи Е.О. Козьминой, практически освоившейся с юридическими вопросами в канцелярии А.О. Кони... применить свои познания на поприще адвокатуры». С успехом выдержала экзамены, подала жалобы, почти прорвалась через Сенат, но затем «последовало вышеприведенное Высочайшее решение». Полный запрет. Даже волостным писарем быть нельзя, потому что женщины не научены «административной работе».

Но могут быть продавцами винных лавок (Высочайшее повеление от 19 апреля 1896 г.). И есть прогресс. «Женщина за последний десяток лет бесспорно одержала над жизнью громадную победу. Она опростилась, сузила требования и, несмотря ни на какие препятствия, идет вперед. Слабые не выносят борьбы, им на смену идут другие, более смелые, более энергичные и горизонт все расширяется» (Лухманова. Недочеты современной женщины. 1904).

Между тем через 13 лет женщина первый раз стала министром. Коллонтай, нарком государственного призрения, 1917 г. Она писала так: «Уже брезжит свет, уже намечаются новые женские типы – так называемых “холостых женщин”, для которых сокровища жизни не исчерпываются любовью. В области любовных переживаний они не позволяют жизненным волнам управлять их челноком; у руля опытный кормчий – их закаленная в жизненной борьбе воля. Пусть не скоро еще станут эти женщины явлением обычным... дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь» (Коллонтай. Новая мораль и рабочий класс. 1919).

Она была хорошим прогнозистом. Может меняться все. Мы меняемся, общество меняется, то, что было «нельзя», вдруг становится самым обычным, и наоборот. Главное, не потерять нашей ценности. Ценность личности, ценность человека – как смысл всего, что делается в обществе.

Пока же мы с женой решили прожить один месяц по брачному закону 1857 г. Для начала брак наш оказался недействительным, хотя он не был четвертым (такие браки запрещены, ст.

³¹ Впервые опубликовано в «Российской газете – Неделе», 25 марта 2023 г.

21 Свод законов Российской империи 1857 г., том 10–1), и нам нет еще 80 лет (браки запрещены, ст. 4), и родители наш брак дозволили (иное запрещено, ст. 6). Но брак наш был без письменного разрешения начальства (в госслужбе запрещен, ст. 9), с нехристианином, хотя и не язычником (запрещен, ст. 37, 85), к тому же не в церкви (запрещен, ст. 31).

– Что ж, – сказали мы себе, – все это суета сует. Должны же быть в нашем недействительном браке приятные стороны! Ага, «жена именуется по званию мужа» (ст. 101). Отлично! Профессорша, докторша, писательница, а, если очень постараться, то председательница чего-нибудь. «Обязаны жить вместе» (ст. 103). А то!

В случае ссылки на каторгу можно следовать за мужем (ст. 104). Нет большей привилегии для российской женщины! Обязанность супруга – любить жену как «собственное свое тело» (ст. 106). Это не Свод законов, а Свод поэзии Российской империи. «Уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи» (ст. 106). Так, преклоняем колена, читаем стихи и превозносим.

Наконец, обязанность «доставлять своей жене пропитание» (ст. 106). Но «по состоянию и возможности своей». Тут мы переглянулись, вздохнули – и побежали по законам дальше.

Боже мой, жизнь полна жестокостей! «Жена обязана повиноваться мужу» (ст. 107). Тут началась дискуссия. – Месяц! Ну потерпи еще месяц! – взмолился я. Что ж, взгляд женский бывает ласковым, бывает очень нежным, но иногда в нем проскальзывает сталь. «Пребывать к нему в любви (о да!), почтении (о да-да-да!) и неограниченном послушании» (всего лишь месяц!) (ст. 107).

– Не можешь ли ты, – сказал я барственно, – принести мне теплую, просушенную и проглаженную утюгом газету?

– Тем более что ты обязана, – я ткнул в статью 107, – оказывать мне всяческое «угождение и привязанность, как хозяйка дома».

– Так, – сказала жена, – месяц уже истек.

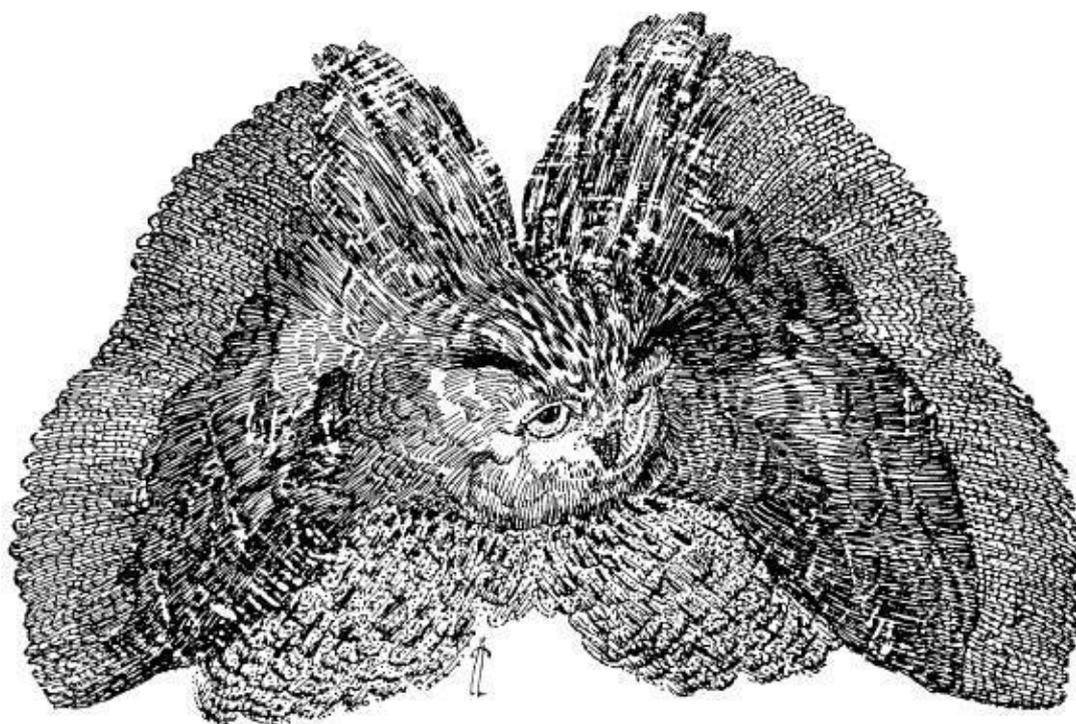
– А угождение и привязанность, – добавила она, – я тебе буду оказывать по естественному ходу жизни, а не человеческому закону, если ты, конечно, этого заслужишь. А пока, милый, налей нам два бокала красного вина. И запиши эти свои чудесные мысли, добавив, конечно, что женщина, шум вьюги и скрип дворника за окном лучше всего, что написано за двести лет.

Что ж, брачный закон этот давно отменен, жить по нему никак нельзя, и месяца не выдержишь со всеми этими обязанностями, а вот любовь никто не отменял. Ни сто лет назад, ни пятьдесят – она просто есть. И когда ты открываешь чужие письма – опубликованные, конечно – и читаешь, как двое любили друг друга, то нет больше ни свода законов, ни высочайших повелений, от кого бы они ни исходили – а есть только эти двое и, если быть честным, быть откровенным, – во веки веков.

«Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто, как божий день. Ты мне сделалась до того родной, что все время я говорю с тобой, зову тебя, жалею тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная!.. Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело». Это Осип Мандельштам – своей будущей жене Надежде.

Что сказать? Всё меняется, и когда мы снова проснемся, то встанем во вновь изменившемся мире, но что никогда не изменится, что не подвержено ни статусам, ни законам – это жизнь вместе, жизнь по любви, жизнь для каждого из нас, если мы это сделаем сами.

Как сделаться мишенью

Как натравить на себя власть. 19 правил

Обычно вас не замечают. Хотя, конечно, кажется, что именно на вас направлены прожекторы.

Как достать государство? Как сделать так, чтобы оно, наконец, повернулось к вам лицом? Это доступно каждому, хотя и требует упражнений.

1) Подрывать. Громко сеять чуждые идеи. Быть «анти», быть «против», переворачивать всё, что составляет философию государства – сейчас и здесь.

2) Назвать всех, кого перестреляете, была бы ваша воля; и еще – кого пересаждаете. Чу, не гром гремит – а колокол звонит.

3) Послать поименно – всех, кто виноват, что жизнь такая – куда-то туда; а для надежности послать еще сто раз, дав именам эпитеты. Эпитеты должны быть точными и ясно толковаться.

4) Быть идеальным – для зачистки, для бытия – щепкой, когда лес рубят; и не убраться заблаговременно.

5) Махать всем страждущим: мы, мы – тоже власть, сюда, сюда, а мускул наш – растет. Власть параллельная.

6) Звать на баррикады, желательно басом, но не в Париже, а по месту жительства.

7) Наступить кому-то на крупную ногу. И даже не заметить, что: а) наступил, б) было больно.

8) Стать козлом отпущения. Большим козлом. Нет, козлищем. Чтобы всё можно было спихнуть. На вас, козла, спокойно делающего круги у прикола.

9) Знать лишнее. Когда, с кем, почему, в какое время, что получилось и как все это не вяжется с новейшей картиной мира. Ага!

10) Говорить, как громкоговоритель. Желать общения. И радоваться: «Ну как сказал! С каким родился слогом!»

11) Вдруг стать пупом, с которым – никогда, ничто. Не может быть по смыслу. По жизни. Непоколебим, как мир. Нет сил, способных сдвинуть.

12) Быть, точнее, оказаться не там, не в тот момент, не с теми и не так. И озираться радостно: что вижу я! О, как я слышу! Какие хорошие уши!

13) Иметь, иметь все то, что требуется государству, и все это знают. Сверчок это знает. Шесток это чует. А ты портишься и трепещешь, как мотыль.

14) Не подходить по жизни. Цвет волос, корни, язык, на что молишься, во что веруешь— всё не то, чужой, другой, инакосложенный и мыслящий инако.

15) Быть триумфальным. Самой известностью внушать надежду на перемены, властям – опаску, ревность, дрожь. Быть замечательно беспомощным предметом, чтобы вас (действие) всем – в назидание.

16) Сачковать. Правила – побоку. Их посылать – подальше. Их обходить – наслаждаясь, как пьешь воду. Считать, что кот, котище – дремлет. Выпендриваться и не ждать доноса!

17) Не принимать. Не присягать. Не подчиняться. Не подписывать. И никогда не соглашаться.

18) Пытаться быть свободным – там, где от тебя этого не ожидают.

19) Прозевать. Букву, намек, имя, указующий палец. Честно и добросовестно – прозевать.

А как это бывает по жизни?

Истории?

Их много есть у нас.

Быть чужим. Тройницкий³²

Не оставляйте за собой плохих следов. Не оставляйте следов, которые бы казались вашим детям темными или пепельными. Жил-был когда-то Сергей Николаевич Тройницкий, правнук декабриста Якушкина, первый «красный директор» Эрмитажа – не комиссар, не матрос в бескозырке, а самый настоящий спец, работавший в нем с 1908 г. Спец, может быть, узкий, всё по геральдике да табакеркам, но преданный, образованный и – тогда это трудно прощалось – из старинной дворянской семьи. Если вам нужен каталог вееров XVIII века – это к нему. Если хотите знать всё о европейском фарфоре – читайте Тройницкого.

«Говорят, что много лет тому назад, когда проснувшийся Адам удивленно смотрел на впервые представшую его глазам красоту Евы, она, чтобы скрыть легкое смущение от пристального взгляда, сорвала зеленую ветвь и стала ею обмахиваться, с любопытством разглядывая окружающие ее чудеса Эдема». Это из «Каталога вееров» Тройницкого, Брокгауз-Ефрон, Петроград, 1923 г.³³

³² Впервые опубликовано в «Российской газете – Неделе», 8 августа 2023 г.

³³ Тройницкий С. Каталог вееров XVIII века / Государственный Эрмитаж. Петербург: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1923. С. 7.

Впрочем, шутки в сторону! Он спас Эрмитаж! Он верой и правдой отстраивал его из разрушенного состояния в самые горячие годы, в 1918–1927 г. Это он реэвакуировал коллекции из Москвы в ноябре 1920 г. (половина картин была отправлена туда Временным правительством). Это он принял на себя поток чужих ценностей из дворцов и фамильных усадеб, чтобы сохранить самое лучшее для нас. Конечно, не только он, но, как директор, всему – голова.

И он должен был быть вычищен из Эрмитажа как вредитель. «До последних лет директором Эрмитажа был С.Н. Тройницкий. Это, пожалуй, один из самых опасных вредителей в Эрмитаже» (Красная газета, Ленинград, 1931). Спротивлялся «советизации Эрмитажа». Создавал в нем контрреволюционные группировки. Срывал «мероприятия Советской власти». «Содействовал укрытию от конфискации имущества бывших владельцев». «Был в тесной связи с белоэмигрантами». Снять с должности – по первой категории!

Это значит – «абсолютная невозможность исправления», социальная смерть. Слава Богу, Сергей Николаевич подал апелляцию – исправили, вычистили «всего лишь» по 3 категории (1931 г.). Повезло. Можно работать спецом, но никаких начальствующих должностей.³⁴

На заседании Комиссии по чистке Эрмитажа от 18 апреля 1931 г.³⁵ Сергей Николаевич честно признался, что: а) его выгнали из двух гимназий, б) он – сын сенатора, в) что у него было вначале отношение к Советской власти, «конечно, отрицательное». «Но потом я быстро оценил... Такая разруха была, что мне было жутко за страну, что пойдут со всех сторон враги. Я и тогда, и сейчас остался патриотом, для меня страна самое дорогое, что есть».³⁶

– Страна – самое дорогое, что есть, – так он сказал. И еще потом долго объяснялся – спокойно, тихо, как обычный, разумный человек, как много им сделано. Или что геральдика тоже нужна, без нее в исторических исследованиях никак не обойтись. Даже странно, что ему нужно было что-то объяснять – все о нем и так всё знали, чистили недавнего директора, первое лицо, бывшее на должности 12 лет.

Но, когда нужно человека вычистить, чтобы он стал пустым местом, всегда найдется масса доказательств. Тройницкий был знаком с великими князьями. Тройницкий – типичный представитель тех, кто оказывался «за пределами Эрмитажа при содействии ОГПУ». Он жил за границей у эмигрантов. Он печатался за границей в журналах. Он был занят никому не нужными геральдикой, мемуарами и табакерками. Его книги – «дрянь», «не для нашего пролетарского чтения». В реконструкции Эрмитажа им не было сделано ровным счетом ничего.

Не оставляйте плохих следов! Такую речь произнес будущий доктор и профессор. Известный, не без имени. С университетским образованием историка по высшему разряду. Через 7 лет он будет сам арестован по обвинению в шпионаже. Выжил, выслан, вернулся, дожил до конца 1960-х.

А вот речь другого – на ту же тему. Тройницкий «умудрился сохранить классовое лицо Эрмитажа», каким он был до революции. Эрмитаж – по-прежнему не наш, он – «императорский, дворянский». Тройницкий – капиталист, «который существовал на прибавочную стоимость, которую он выкачивал из рабочих». «Тройницкий и вся его свора на протяжении всех этих лет активно боролись против Сов. власти. Теперь на чистке пролетариат СССР должен потребовать от Тройницкого за это ответ».

Сказавший всё это человек погиб в блокаду. Когда он «чистил» Тройницкого, ему был 21 год. Его давно нет – но его слова остались в стенограмме.

Да как же они? Речь за речью. Встают – и говорят. И ведь свои – из Эрмитажа. Тройницкий «совершенно не хотел делать так, как нужно». «Вредный человек для советской обще-

³⁴ Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы (сост. Е. Соломаха) / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. С. 597.

³⁵ Там же. Все цитаты ниже по стенограмме заседания Комиссии по чистке Эрмитажа от 18 апреля 1931 г. (в части С. Н. Тройницкого). С. 509–536.

³⁶ Там же. С. 517.

ственности». «Некоторые не понимают, что нельзя бороться с колесом истории». Эрмитаж продолжает выполнять роль «идеолога буржуазного общества».

Перед ними находится (то сидит, то встает) Сергей Николаевич Тройницкий, каждого он знает, всех он слушает, видимо, несколько растерян, дает на всё самые простые, исчерпывающие ответы, которые истолковать двойственно никак нельзя, никакого злого умысла или второго дна там даже не предвидится, а их все равно перетолковывают. Кто здесь судьи? И каков будет приговор?

И только один посторонний человек, от которого сохранилась только фамилия – Петров, нет ни званий, ни степеней, его судьба неизвестна, он сказал вот что: «В период стихийной борьбы за другой строй жизни Тройницкий не ушел с этого поста, он совершил большое великое дело для республики – Эрмитаж сохранил в целости. С первых годов борьбы он сохранил имущество, а имущество – это есть искусство, это есть состояние, если бы оно погибло, то, погибло бы полстраны... Заслугу эту ценить надо... Нельзя нападать на человека, который так много сделал для нашего государства, для нашей республики». ³⁷ Хорошо бы, чтобы у каждого из нас был свой Петров.

А каков приговор? Его произнес некто Круглов, о нем тоже ничего неизвестно, кроме нескольких слов: «Я предлагаю вычистить по первой категории. Другого метода применения к нему не остается никакого». ³⁸

Не оставляйте плохих следов, ни темных, ни пепельных, не оставляйте никому, кто будет после вас. Сергей Николаевич Тройницкий выжил, хотя потом арестовывался по-настоящему. Вот выписка из его следственного дела: «арестован 28 февраля 1935 г. как социально опасный элемент». Сослан в Уфу на 3 года вместе с женой Марианной, дочерью Борисова-Мусатова.

В 1930-х – 1940-х много и тяжело работал как эксперт. После войны разбирался с немецкими трофеями в Пушкинском музее в Москве. Какой же след оставил именно он? Что было его целью? На «чистке» он ответил: «Хранить памятники». Так мы его и будем помнить – Хранитель.

Подрывать. Лосев³⁹

Можно провести всю жизнь в стране, стоящей на крайностях, на мифах, пытаясь громко об этом говорить. Можно сделать так, что вас заставят замолчать, в раннем возрасте замолчать, когда вы полны сил, но вы все равно будете писать в стол, ужасаясь, но мыслить и заполнять его рукописями, потому что иначе вы просто не сможете жить. В 1930-м Алексей Лосев, знаменитый в будущем русский философ, был в 37 лет посажен, сначала на Лубянку, а потом отправлен в лагерь, потому что власть не смогла вынести его книги «Диалектика мифа». Власть и жены его, Валентины Михайловны, 33 лет, вынести не смогла, отправив ее вслед за ним.

Вряд ли могло быть иначе. В государстве «диктатуры пролетариата», в самом начале большой кампании репрессий, в подцензурной книге было сказано, что «социализм, т. е. материалистически-общественная стихия, данная в аспекте своего алогического, бесформенного, сплошного стремления, есть анархизм». ⁴⁰ А вот еще. «Собрание личностей, которое само по себе не-лично, безлично и, значит, безлично. Это и есть коллективизм, или социализм». ⁴¹

³⁷ Там же. С. 533.

³⁸ Там же. С. 536.

³⁹ Впервые опубликовано в «Российской газете – Неделе», 8 ноября 2022 г.

⁴⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 432.

⁴¹ Там же. С. 491–492.

И еще сказано: «Все бывшие и настоящие формы социализма, и «утопического» и «научного», есть всецело мифология». ⁴² Лосева что, любить за это будут? «Учение о всеобщем социальном уравнении... несет на себе все признаки мифологическосоциального нигилизма». ⁴³ «С точки зрения христианства социализм есть также сатанизм». ⁴⁴ И так далее.

Хорошо, что не расстреляли, не сгноили. «Вернемся к голосам, которые каждый слышит в своей душе... Иной раз вы с пафосом долбите: «Социализм возможен в одной стране. Социализм возможен в одной стране. Социализм возможен в одной стране». Не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас в душе: «Н-е-е-е-е...», или «Н-и-и-и-и-и...», или просто «И-и-и-и-и...»». ⁴⁵

Но как же ему было написать иначе, когда сама жизнь вокруг буквально кричала о мифах, о мифологичном сознании. «С точки зрения коммунистической мифологии, не только «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма» (начало «Коммунистического манифеста»), но при этом «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает зубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы», и т. д. Тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклемом», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рысофорные скулодробители»... Везде тут «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов»; и в этой тьме – «красная заря» «мирового пожара», «красное знамя» восстаний... И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии». ⁴⁶

Из него самого стали делать миф. «Последняя книга этого реакционера и черносотенца... «Диалектика мифа»... является самой откровенной пропагандой наглешего нашего классового врага». ⁴⁷ «Идеалист-реакционер, мракобес, некий профессор Лосев». ⁴⁸ «Никогда идеализм не выступал в столь реакционной, претенциозной и воинственной форме, как теперь в лице Лосева». ⁴⁹ «Его мракобесие тем более велико, что его устами глаголят господствующие классы бывшей России». ⁵⁰ «Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины». ⁵¹ Ну и так далее – именно в то время, когда машина подавления инакомыслия развертывалась в полную силу.

Как он смог выжить? Как его не перемолола диктатура пролетариата? Случайность? Многолетнее молчание? 23 года (1930–1953) ⁵² – ни одной статьи, ни одной опубликованной странички для человека, который не мог не писать. Вот азбука его жизни. Прожил 95 лет, три изданных восьмикнижия, «восьмеричный путь», ⁵³ тысячи страниц текстов, 1930 г. – арест, 4,5 месяца в одиночке, 17 месяцев во внутренней тюрьме Лубянки, еще год (1931–1932) в лагерях, 1935–1940 гг. – запреты на занятия философией, вытеснение в античную эстетику и мифологию, в преподавание древних языков. Изгнания, увольнения, проработки – и «глубокий вход», как одного из авторов, в «Философскую энциклопедию», его личная, многотомная «История античной эстетики», его книги о Платоне, Аристотеле, Гомере. Не сосчитать идей и текстов. Нарастающая слепота со времен лагерей, когда писать – это значит диктовать накопленные, написанные внутри себя странички. Его жены, его хранительницы, одна – безвременно ушед-

⁴² Там же. С. 496.

⁴³ Там же. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 501.

⁴⁵ Там же. С. 107.

⁴⁶ Там же. С. 125.

⁴⁷ Доклад Л. Кагановича // XVI съезд ВКП (б). Стенограф. отчет. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 75.

⁴⁸ Там же. С. 271.

⁴⁹ Гарбер Х. Против воинствующего мистицизма Лосева // Вестник Комакадемии. 1930. № 37–38. С. 124.

⁵⁰ Там же. С. 144.

⁵¹ Там же. С. 144.

⁵² Тахо-Годи А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 506.

⁵³ Троицкий В. О Лосеве // Тахо-Годи А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 499–500.

шая, другая – сохранившая, нашедшая каждую его уцелевшую строчку. Три разгрома написанного (1914, Германия; 1930, арест; 1941, гибель дома на Арбате, прямое попадание бомбы). И глубокая вера – в Бога и в мысль, вечно меняющуюся, прихотливую человеческую мысль.

В жизни Алексея Лосева, начавшейся «при царе» (1893) и закончившейся при «перестройке» (1988), есть свое торжество – ее признание как общей, всечеловеческой ценности, всеобщее признание ее спецами, философами и даже признание государством в самой фантастической форме. Его, всю жизнь находившегося под атакой людей государевых, всю жизнь оттесняемого от философии, наградили в 90 лет, в 1983 г. орденом Трудового Красного Знамени «за многолетнюю плодотворную подготовку философских кадров».⁵⁴

«То» государство и фантазмагория – едины.

Проклясть. Мандельштам

День ноябрьский, год символический – 1933 г. «Мы живем, под собою не чуя страны... Кто мяучит, кто плачет, кто хнычет, лишь один он бабачит и тычет. Как подковы кует за указом указ – кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».

Стих этот читать ближним своим. Упоенно. Нельзя не прочитать. Отличный стих. Прогресс наружу. Но – тсс, никому, а то дойдет – за это расстреляют.

Разумное соображение – а то. Пять месяцев – и он дошел.

День майский, год закономерный – 1934 г. – арест, но не расстрел, а ссылка.

В Чердынь, туда, где Пермь Великая, ну а потом – в Воронеж.

А что в Воронеже? Пытаться откупиться в большеглазой оде.

Вот, Ода. Зима в Воронеже, год прокуренный – 1937. Долгое, натужное творение, в кармане – нож. «Глазами Сталина раздвинута гора и вдаль прищурилась равнина...». «Он свесился с трибуны, как с горы, в бугры голов. Должник сильнее иска, могучие глаза решительно добры, густая бровь кому-то светит близко...».

Симметрия: проклясть – и откупиться.

Проклясть, быть взятым, сосланным, пытаться откупиться, вернуться – опять в Москву, и снова – по симметрии – быть взятым.

Май, год, сложенный в конверт, – 1938 г., арест. Пять месяцев во Владивостоке – в пересыльном лагере. «Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти» – последнее письмо. Декабрь, 1938 г. – не пережил.

В сорок семь лет. В целых сорок семь лет.

«Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, темненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него были мокрые и холодные. Ничего о нем раньше мы не знали, кто его прислал – не помню (может быть, он сам пришел)...».⁵⁵ Это Гиппиус о встрече с Мандельштамом.

А, собственно, какая разница, кто к нам его прислал.

Он пришел сам.

⁵⁴ Там же. С. 395.

⁵⁵ З. Гиппиус о встрече с Мандельштамом. В кн.: З.Н. Гиппиус. Живые лица. Прага: Издательство «Пламя», 1925. С. 100.

Прозевать. Никитенко⁵⁶

Перед новым 1835-м годом знаменитый цензор Александр Васильевич Никитенко, 30 с лишним лет, был посажен на гауптвахту на восемь дней первым лицом государства (Николаем I) по жалобе митрополита Серафима на то, что были пропущены в печать стихи Виктора Гюго, называвшиеся «Красавице». Он «умолял его как православного царя оградить церковь и веру от поруганий поэзии».⁵⁷ Вот эти стихи:

Красавице

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! Тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был – селеньями святыми
Клянусь – я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

⁵⁶ Впервые опубликован в «Российской газете – Неделе», 29 июля 2023 г.

⁵⁷ Никитенко А. Дневник в трех томах. Том 1. 1826–1857. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 161.

По этому поводу Александр, тезка Пушкина (у них были натянутые отношения), заметил, что «следовало, может быть, вымарать слова: «бог» и «селеньями святыми» – тогда не за что было бы и придраться. Но с другой стороны, судя по тому, как у нас... обращаются с идеями, вряд ли и это спасло бы меня от гауптвахты».⁵⁸

Государь «вынужден был дать удовлетворение главе духовенства, причем публичное и гласное». Но было и приятное – «в институте я был встречен с шумными изъявлениями восторга. Мне передавали, что мои ученицы плакали, узнав о моем аресте».⁵⁹ Уютным был этот плач, ибо речь шла о Екатерининском институте благородных девиц, томных и нежных.

Какой кипеж! По городу «быстро разнеслась весть о моем освобождении». Ему 30 лет! «И ко мне начали являться посетители».⁶⁰

За пару-тройку последних веков было немало двусмысленностей в отношениях частных лиц и государства. Но чтобы на гауптвахту – на новый год – первым лицом государства, по личной жалобе митрополита, за сонмы ангелов, которые должны быть отданы за поцелуй?

А почему бы нет? Трудно удержать чиновничий аппарат умеренным – он должен создавать всё больше правил, всё больше осторожничать, особенно когда дело касается мира идей. Никто не знает, как они будут истолкованы и против кого направлены. «Прозевал!» – как передавали, заметил государь, ознакомившись со стишками и выразив удовольствие тем, что цензор, т. е. Никитенко, не выразил своего возмущения и остался спокойным и нем, как рыба.

Бурной была жизнь Александра Васильевича! Крепостной, внук сапожника, сын писаря, наученный плести лапти (был этим горд), книжник с малолетства, смог невозможное благодаря своим талантам, – выучиться (спасибо благодетелям), получить вольную (в нем участвовали Жуковский и Рылеев), в 24 года окончить Санкт-Петербургский университет и пойти успешно – в госслужбе и профессуре. А потом – как отщелкивать. В 28 лет – цензор (высокая тогда должность) (1833–1848), 50 лет – академик (русский язык и словесность), конец карьеры – тайный советник (то же, что генерал-лейтенант). Добился выхода на вольную матери и брата, чему был очень счастлив. Знаком с царями, высшим светом, но, что важнее всего, свой, своя косточка в больших литературных кругах. Оставил тысячу свидетельств о «той» литературе и ее людях (Повесть о самом себе, Дневник цензора).

Но был у него скрытный, потаенный двойник – дневник, он велся десятки лет и вдруг внезапно был опубликован – конечно, дочкой, наследницей. Дети бывают беспощадны к тайнам родителей. Так что там за тайны в эпоху «Ревизора»? Признайтесь сами, не молчите, Александр Васильевич!

«Как могут они писать, когда им запрещено мыслить? ...Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит... Люди... с талантом принуждены жить только для себя. От этого характеристическая черта нашего времени – холодный, бездушный эгоизм. Другая черта – страсть к деньгам: всякий спешит захватить их побольше, зная, что это единственное средство к относительной независимости».⁶¹

Так Вы, Александр Васильевич, из тех, кто себе на уме? Почему же Вы цензор? С какой стати? Ответ – недвусмыслен, он повторяется в дневниках много раз: «Самый обширный ум тот, который умеет применяться к тесноте своего положения и ясно видит все добро, которое может там сделать». Компромисс – царь мира, сделать все возможное там, где ты есть, без тебя будет гораздо хуже.

⁵⁸ Там же. С. 170.

⁵⁹ Там же. С. 165.

⁶⁰ Там же. С. 165.

⁶¹ Там же. С. 171–172.

Дважды просился в отставку, в 3-й раз – все бросил. В 1848 г. государю пришел донос «об ужасных идеях, будто бы господствующих в нашей литературе» из-за слабости цензуры. Был учрежден комитет «для выработки мер обуздания» русской литературы. «Панический страх овладел умами... Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей».⁶²

Вот и не стало цензора Никитенко. Ушел в отставку. А какой терпеливый был! 12 декабря 1842 г. в восьмом номере журнала «Сын отечества» за тот же год, в повести «Гувернантка» была дана сцена бала, в которой замечалось, что, «считая себя военным и, что еще лучше, кавалеристом, господин фельдъегерь имеет полное право думать, что он интересен, когда побрякивает шпорами и крутит усы, намазанные фиксауром, которого розовый запах приятно обдает и его самого, и танцующую с ним даму».

На это всеильный Бенкендорф, «почтенного вида старик», сказал «кротким и тихим голосом»: «Государь очень огорчен... Он считает неприличным нападать на лица, принадлежащие его двору (фельдъегерь)... Он приказал арестовать вас на одну ночь». Никитенко отпустили пообедать, а затем свезли на гауптвахту, в подвал, где дали кровать, дежурный офицер отдал свою шинель, чтобы накрыться, и окружил «вниманием и заботливостью». Когда же на первой после ареста лекции студенты ему зарукоплескали и стали кричать: «Браво!», он им заметил: «Что вы, господа! Тише, тише!».⁶³

Человек компромисса. Человек, пытавшийся всю жизнь делать добро, ставивший добро и общественную пользу превыше всего. Человек, которого старались выбрать в цензоры самые знаменитые писатели. Государственный человек – и все же с болью в сердце. Острой болью.

Вот его записи последних лет жизни. «Главною моей целью было соглашение интересов государственных с общественными. Успехи часто не соответствовали моим... честным и бескорыстным намерениям. Но тут уже была не моя вина... а вот разве тех тревожных и быстро сменявшихся обстоятельств, среди которых вращались люди и вещи. Я никогда не был способен сделаться ни радикалом, ни ультраконсерватором».⁶⁴ «Я, маленький, темный человек, утонул, как капля, в этом океане величия».⁶⁵

Не утонул. Истинный человек. Помним. Ценим. Думаем вместе.

Напасть. Мисси Беневская⁶⁶

Что думают и чего хотят наши дети?

Ей не удалось никого казнить. Мария Беневская, потомственная дворянка, отроду 24 лет, собирая метательный снаряд, сама подорвалась и лишилась кисти левой руки. У нее остались 3,5 пальца. Она звала себя Мисси. А иногда – Мисска. И еще – Маруся. Кузина (нет, не по крови) Бориса Савинкова, томительными летними вечерами им распропагандированная. Пришедшая в террор во имя Христа, ибо охота велась на адмирала Дубасова, подавившего восстание в Москве в декабре 1905 года. Те, кто ее вспоминал, писали: «Высокая, красивая. Ее страшно баловали. У нее была собственная карета. Внутри белая атласная» (Мария Заболоц-

⁶² Там же. С. 311.

⁶³ Там же. С. 252–253.

⁶⁴ Никитенко А. Дневник в трех томах. Том 3. 1826–1857. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 186.

⁶⁵ Там же. С. 78.

⁶⁶ Очерк впервые опубликован в историческом журнале «Родина». 2019. № 10. <https://rg.ru/rodina/>. С благодарностью Т.М. Осиповой и К.Ю. Беневской – хранителям истории и архива семьи Беневских.

кая, Максимилиан Волошин). Карета, правда, летняя, от родственников – в самой семье таких средств нет.

Крестовый детский поход

Балованное, выпестованное дитя. Благополучная семья – от военной косточки. Аркадьевка, Беневское – села в Приамурье в честь папы, генерал-губернатора. Всё нарушено – сила, традиции семьи, ее дух, ее счастливое продолжение. Всё на свете изменено – до полного конца родителей. Почему?

«Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за эту беззаботную внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, более чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававшаяся с евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости и деятельной любви... В нашу жизнь она внесла струю светлой радости, а для немногих – и мучительных моральных запросов. Однажды... я поставил ей обычный вопрос: – Почему вы идете в террор? Она не сразу ответила мне. Я увидел, как ее голубые глаза стали наполняться слезами. Она молча подошла к столу и открыла евангелие. – Почему я иду в террор? Вам неясно? „Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю“. Она помолчала еще: – Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу...».⁶⁷

«Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее».

Потерять душу ради Христа, чтобы душу спасти? Ибо акт террора совершается ради Христа? Чье – тогда – убийство угодно Сыну Божьему?

Адмирала Дубасова. Моряк, герой, командовал Тихоокеанской эскадрой. Декабрь 1905 г., ему 60 лет. «Оказывающих малейшее сопротивление и дерзость, и взятых с оружием в руках пристреливать».⁶⁸ На месте. Письмо отца одного из убитых студентов: «За что вы убили моего сына?.. Он был ни в чем неповинен; он не только не был ни в каких преступных организациях, но даже не посещал студенческих собраний, митингов... Приезжайте, адмирал Дубасов, немедленно ко мне, я жду вас; вы должны сказать, за что убили сына?».⁶⁹

Мисси 24 года. Как бы это объяснить родителям? Жизнь – как то, что жжется. Жизнь – как детские теории. Жизнь – во имя. Жизнь – еще не найденная, легко слагаемая. Жизнь, когда опыта боли еще нет. Жизнь – святая, жертвенная. В жизни есть ужас, подлежащий искоренению. Без этого она невыносима. Я – подлежащее. Я – долженствующее. Я, я, я! В святом товариществе – я.

Детство и юность – как узаконенное сумасшествие. Особенно – в оспенном, чумном государстве.

⁶⁷ Б. Савинков. Воспоминания террориста // Репринт с издания 1926 г. (Харьков, «Пролетарий»). Vermont, Benson: Chalidze Publications, 1986. С. 196.

⁶⁸ Макаров К.О. «Мы жили убеждением, что никто причастный к мятежу не должен быть пощажен»: расстрелы студентов солдатами лейб-гвардии Семеновского полка в дни Декабрьского восстания 1905 г. в Москве. В сб.: Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. 16 марта 2018 г. Петербург, 2019. С. 57–58.

⁶⁹ Там же. С. 60.

Ангел с бомбами

Партийная кличка – Генриетта. Какой Генриеттой она себя воображала? Французской? Английской? Героиней из романа? Ответа нет.

Какой она кажется? Замужней. Готова теракты, снимают квартиры на двоих. А еще? «Всегда радостная, оживленная и светлая». ⁷⁰ В своем грозном, божественном терроре – у нее не получалось ничего.

«Взорвалась при разоружении снаряда, присланного для переделки». Это то, что написала сама.

А вот Савинков: «Разряжая... бомбу, сломала запальную трубку. Запал взорвался у нее в руках. Она потеряла всю кисть левой руки и несколько пальцев правой. Окровавленная, она нашла в себе столько силы, чтобы... выйти из дому и, не теряя сознания, доехать до больницы». ⁷¹

Из обвинительного акта: квартира в Замоскворечье, 15 апреля 1906 года, там найдены, кроме оторванных женских пальцев «сверток с 2 пакетами гремучего студня, весом около 5 фунтов; 4 стеклянных трубочки с шариками, наполненными серной кислотой, с привязанными к трубочкам свинцовыми грузиками; две цилиндрической формы жестяных коробки с укрепленными внутри капсюлями гремучей ртути; две крышки к этим коробкам; одна закрытая крышкой и залитая парафином... коробка, представляющая из себя... вполне снаряженный детонаторный патрон; крышка от жестяного цилиндра и деформированный кусок жести, коробка со смесью из бертолетовой соли и сахара, два мотка тонкой проволоки; 10 кусков свинца; медная ступка; аптекарские весы и граммовый разновес; записная книжка с условными записями и вычислениями; три конфетных коробки, сверток цветной бумаги; два мотка цветных тесемок; пучок шелковых ленточек; фотографическое изображение вице-адмирала Дубасова и несколько номеров московских и петербургских газет». ⁷²

За эту фотографическую карточку Мисси, пойманную в больнице (она смогла добраться туда сама), приговорили к смертной казни. Дубасову раздробило ступню (23 апреля), его адъютант был убит, кучер ранен, бомбометатель погиб, мама Мисси покончила с собой, а ее папа – генерал от инфантерии – вторым только прощением на имя его величества добился замены смертной казни десятью годами каторжных работ.

«Дорогие мамочка и папочка!» – писала она в открытках из-за границы. В Берне и немецком Галле училась врачевать. В Женеве – делать взрывчатку. В Париже – гулять по Булонскому лесу. В Варшаве и Москве – казнить. Но только путалась под ногами и так никого и не казнила.

⁷⁰ Б. Савинков. Воспоминания террориста // Репринт издания 1926 г. (Харьков, «Пролетарий»). Vermont, Benson: Chalidze Publications, 1986. С. 275.

⁷¹ Там же. С. 209–210.

⁷² Там же. С. 211–213.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.